

УДК 347.6

В статье анализируются политико-правовые позиции первых декретов советской власти и последующих нормативно-правовых, в том числе кодифицированных, актов о браке и семье как больших и малых «революций» в российском и советском семейном законодательстве, констатируются противоположные и противоречивые подходы представителей юридической науки и законодателей к вопросам методологии правового регулирования отношений с семейным элементом в разные периоды политической и общественной истории, а также в дни сегодняшние, констатируются архипрогрессивные решения семнадцатого года, репрессивные – сорок четвертого, решения шестидесятых и девяностых годов и качественные характеристики попыток адаптировать современное семейное законодательство к новым вызовам.

Ключевые слова: революция; декреты; брак и семья; прогресс; регресс; доктрина; история; современность.

The article considers political and legal aspects of the first decrees of the Soviet government and subsequent legal acts, incl. codified ones of marriage and family, both as big and small «revolutions» in the Russian and Soviet Family Law. Opposite and conflicting approaches of the legal scholars and legislators are stated in the methodology of legal regulation of relations with the family element in different periods of political and social history, as well as present times. Extremely innovative decisions of the 1917 are noted, as well as repressive decisions of 1944, decisions of the sixties and the nineties of the 20th century and the qualitative characteristics of the contemporary attempts to adapt family law to new challenges.

Keywords: revolution, decrees, marriage and family, progress, regress, doctrine, history, modernity.

Н. Н. Тарусина

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: nant@univ.uniyar.ac.ru*

**1917–2017: «революции» и «контрреволюции»
в российском семейном законодательстве**

Научная статья

N. N. Tarusina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

**1917–2017: «Revolutions» and «Counterrevolutions»
in the Russian Family Law**

Scientific article

В период с февраля до декабря семнадцатого года органами революционной власти не было предпринято ни одной попытки кардинального изменения семейного законодательства: либеральную революцию, «взопревшую» от либеральных политических дискуссий, если и интересовали идеи о равноправии женщины и мужчины и справедливом правовом статусе детей, независимо от обстоятельств их рождения, то в реальные законодательные дела это никоим образом не воплотились.

И, напротив, как бы мы ни относились к октябрьским событиям семнадцатого года, фиксируя это свое отношение в терминологии социа-

листической революции (Великой), октябрьского переворота или ситуации безвластия (двоевластия), очевидным историческим фактом является архизначимое и суперпрогрессивное преобразование на указанном рубеже правового режима отношений с семейным элементом – брака, семьи, родительства, детства. Конечно, оно исподволь готовилось политической и цивилистической доктринами XIX века и весьма осторожными проектными предположениями законодателей имперской России. Но стратегического, принципиального перехода от церковной классики брака, с его относительным (в иные периоды – близким к абсолютному) подчинением жены

и полным подчинением чада главе семейства, от дискриминации в правовом статусе детей, рожденных вне брака, к равным возможностям супругов и детей так бы и не произошло еще много десятилетий, что подтверждается фактами весьма медленного движения в этом направлении европейского законодательства. Не хватало политического «фитиля» – и он зажегся. В результате была отменена церковная форма заключения супружеского союза в пользу светской, сняты многие ограничения на вступление в брак (например, наличие отношений свойства или духовного родства, максимальный брачный возраст и др.), декларированы принцип добровольности союза и некоторые элементы идеи его равноправия (в том числе право выбора фамилии), допускалось свободное юридическое признание внебрачных детей и объявлялось их полная правоспособность, не обусловленная обстоятельствами рождения (Декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, о детях, о введении книг записи актов гражданского состояния – от 18 (31) декабря 1917 г.). В принципе антицерковная направленность нового порядка заключения супружеского союза сама по себе не содержала категорического неприятия чувств верующих (на данном этапе они еще могли дополнить, без оглядки на последствия, акт регистрации брака в органах ЗАГС актом венчания и добровольно соблюсти церковные условия и ограничения, если они имели факультативный характер и не исключали действия законных запретов). Однако общая антирелигиозная тенденция была достаточно очевидна и не предполагала долго ожидать неизбежных результатов: позитивная революционность состояла в отделении церкви от государства, а возможные будущие перегибы – в осуждении и гонении верующих.

Тремя днями раньше был введен свободный судебный развод – по заявлению одного или обоих супругов, с возможностью заключения мирового соглашения о детях (месте проживания, алиментах) и необходимостью судебного размышления о материальной поддержке бывшей супруги («судья определяет, ... обязан ли муж и в каком размере доставлять пропитание и содержание своей бракоразведенной жене»). Разумеется, опережающее свободу заключения брака решение о праве свободного его расторжения было вполне логичным по сути, хотя

и формально нелогичным в контексте последовательности семейно-правовых действий: введение либерального порядка прекращения неравноправного (а подчас и полупринудительного либо принудительного) супружества было актуальным и отвечало революционному прочтению момента.

«Мы не оставили, – писал В. И. Ленин, – камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщин, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п. – законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах к позору буржуазии и капитализма. Мы имеем тысячу раз право гордиться тем, что мы сделали в этой области. Но чем чище очистили мы почву от хлама старых, буржуазных законов и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка» [1, с. 23]. В то же время в политических и общественных кругах дискутировалась судьба семьи и ее роль в жизни ребенка, в общественное пространство «залетали» идеи о национализации детей, об отказе от брака, о переходе к приоритету государственного обеспечения членов семьи (А. М. Колонтай) [2, с. 36–37]. Был предложен проект Декларации прав ребенка (К. Н. Вентцель, 1918 г.), статус которой предполагался международно-правовым. А. М. Нечаева, анализируя ее содержание, отмечает, что по сути ее можно считать прообразом современной Конвенции ООН «О правах ребенка» 1989 г., так как в проекте были представлены идеи о праве ребенка на приемлемое существование, свободное развитие способностей, на учет его мнения в жизненно важных вопросах, идеи о возложении надлежащей заботы о нем на родителей, общество и государство [3, с. 90].

Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. идеи декретов были подтверждены. Кроме того, была закреплена идея о раздельности супружеского имущества как гарантии свободы женщины в браке (по крайней мере, на тот момент в этом была уверенность). Революционные эксперименты были продолжены в 1926 г. с принятием Кодекса законов о брачном, семейном и опекунском праве. В частности, фактор раздельности имущества был уже оценен иначе. Так,

Д. И. Курский писал: «Жена рабочего, хозяйка, ведет все домашнее хозяйство, а при разводе ничего не получает потому, что муж-рабочий, разводясь с ней, берет все с собой...» [4, с. 262]. Во втором кодексе домашняя работа женщины была признана юридически значимой – уже на основе режима совместной собственности: один революционный порыв был заменен другим, при этом, что бывает нечасто, более справедливым. Наконец, очевидно преобразовательными мотивами руководствовался законодатель, введя нормы о юридическом признании фактических брачных отношений – с правовыми последствиями в виде общности имущества и допущения алиментных обязательств наравне с «законными супругами» (ст. 11, 12, 16). Доктринально и политически предполагалось, что государственная регистрация супружества – явление временное, сохраняется лишь с целью борьбы с церковным браком; фактический брачный союз, свободный от «юридических оков», рассматривался будущей доминантой семейной жизни, прообразом равноправного коммунистического общественного института [5, с. 46–47, 145–146].

Революционно-прогрессивный дух семейно-правовых решений 1917–1926 годов в 1944 году был исчерпан своеобразной и жесткой семейно-правовой «контрреволюцией». Ее предтечей явилась, начиная с 1936 года, тенденция усиления публичного начала в правовом регулировании отношений с семейным элементом: в 1936 году была введена пропорциональная система алиментирования, которая, по замечанию М. В. Антокольской, представляла собой «унифицированный подход в условиях всеобщего равенства в нищете...» [6, с. 74]; впрочем, эта система сыграла и положительную роль, упростив процедуру взыскания алиментов. В этом же году были криминализованы аборт. «Новый запрет, – пишет М. Арбатова, – Россия ввела одновременно с фашистской Германией. С 1936 по 1955 годы за криминальные аборт были осуждены и расстреляны тысячи врачей и женщин...» [7, с. 5]. В условиях нарастающей реакции 8 июля 1944 года был издан (внешне с весьма приятственным названием) Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства,

об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». За этой благодушной вывеской были скрыты три «контрреволюционных» решения: 1) отказ в признании фактического брака; 2) введение «драконовской» процедуры развода; 3) возвращение категории незаконнорожденных детей путем запрета как добровольного признания, так и судебного установления внебрачного отцовства [8, с. 51–55]. По точной характеристике М. В. Антокольской, в этой своей части указ мгновенно отбросил наше семейное законодательство на столетие назад, вписав новую страницу в произведения в стиле Дж. Оруэлла [6, с. 76]. И в данной характеристике М. В. Антокольская отнюдь не одинока.

Однако, как и во многих других подобных случаях, некоторые авторы совершенно иначе оценивают указ и предшествовавшие ему нормативно-правовые документы. Так, например, П. Л. Полянский, не отрицающий сходства дореволюционного имперского подхода канонического права и указа к разводу, подчеркивает, что за внешним сходством скрывались совершенно разные основания: задачей канонического права являлось поддержание своеобразной «половой дисциплины», обеспечение священности супружества, а указа – реабилитация брака и укрепление семейных связей. Не исключено: во время войны последние, действительно, ослабли, в том числе за счет тыловых и фронтовых романов, увеличения показателей внебрачной рождаемости. Государство было заинтересовано в стабилизации официального брака и, что важнее, в освобождении мужчин от каких бы то ни было обязательств перед женщиной-матерью и рожденным ею внебрачным ребенком. Однако именно о последнем обстоятельстве, которое и вызывает в первую очередь возмущение семейноведов, П. Л. Полянский ничего не пишет [9, с. 261–262], лицемерно обходя стороной необходимость его оценки, что превращает позицию автора в неаргументированный «глас вопиющего» в пространстве несогласных.

Часть указанных семейно-правовых решений продержалась до 1965 (процедура развода), часть – до 1968 года (статус внебрачных детей), а юридическая сила позиции государства о непризнании каких бы то ни было правовых последствий за фактическим браком сохраняется и поныне.

Разумеется, эксперименты продолжались и продолжают, однако вряд ли их можно причислить к революционным или контрреволюционным, хотя некоторые из них могут быть охарактеризованы как стратегические: расширение семейно-правового статуса ребенка, окончательное признание его самостоятельным субъектом права, пусть и нуждающимся в попечении; введение института брачного договора, общая тенденция на усиление договорного начала в правоотношениях с семейным элементом. Концепция совершенствования семейного законодательства первоначально не исключала даже некоторого юридического признания фактического брака, а в целом была ориентирована на «сохранение семейных ценностей», включая цели брачного и семейного союза, охрану родительства и жизненно важных интересов ребенка [10, с. 16–33]. Революционным шагом законодателя было бы установление возможности заключения однополых партнерств и/или браков [11, с. 48–52], однако введение соответствующих ограничений для международного усыновления (ст. 127 СК РФ), запреты публичных мероприятий ЛГБТ-общества и т. п. свидетельствуют о невозможности означенного «революционного» решения. Впрочем, разумное поступательное развитие семейного законодательства, адекватного, по возможности, потребностям общественной жизни, всегда предпочтительнее.

Ссылки

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. М., 1974. 623 с.
2. Тарусина Н. Н. Ребенок в пространстве семейного права. М.: Проспект, 2014. 144 с.
3. Нечаева А. М. Россия и ее дети. М., 330 с.
4. Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., 1958. 330 с.
5. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект, 2010. 224 с.
6. Антокольская М. В. Семейное право. М., 1996. 366 с.
7. Арбатова М. Феминизм // Известия. 1998. 19 февр. С. 5.
8. Тарусина Н. Н. Ребенок как «объект» семейно-правовой охраны // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 51–55.
9. Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М., 2016. 400 с.
10. Тарусина Н. Н. Российское семейное законодательство: «Куда бежишь, тропинка милая ?...» // Социально-юридическая тетрадь. 2015. № 5. С. 16–33.
11. Тарусина Н. Н. О новом концепте брака, или «пятой колонне» в брачном пространстве // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 48–52.